

18+

БЕРЛИНСКИЕ СКАЗКИ

Юлия Колгина

Юлия Колгина

Берлинские сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67853499

ISBN 9785005671868

Аннотация

Молодая девушка родом из Ярославля живет в Берлине, изучает скандинавистику, влюбляется, разочаровывается, экспериментирует с внешностью и запрещенными веществами, отчаянно рефлексировать и пишет бесподобные стихи. Ее заметки о жизни тонко чувствующей души в современной Германии составили этот необычный сборник.

Содержание

Поезда	5
Первая «любовь»	12
Муза	15
Halbauer Weg 19	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Берлинские сказки

Юлия Колгина

Иллюстратор comr.ot

© Юлия Колгина, 2023

© comr.ot, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0056-7186-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Данная книга является художественным произведением, не пропагандирует и не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и сигарет. Книга содержит изобразительные описания противоправных действий, но такие описания являются художественным, образным, и творческим замыслом, не являются призывом к совершению запрещенных действий. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет. Пожалуйста, обратитесь к врачу для получения помощи и борьбы с зависимостью.

Поезда

Я еду на еженедельную тренировку с друзьями. Об испаранное окошко поезда бьются хлопья снега. Ветер каждый раз замахивается широко своей огромной рукой и швыряет тонкие замерзшие сплетения воды куда вздумается.

Мысли в голове разлетаются в разные стороны так же хаотично, как снежинки на злом ветру. Они то наваливаются на меня нескончаемым потоком, то несутся вправо или влево, подхваченные одним из течений ветра.

Я не могу назвать причины своей тоски. Грустно отчего-то. То ли потому, что снежинки для ленивого взгляда похожи одна на другую, то ли потому, что проносятся они перед глазами слишком быстро. Усталость – физическое воплощение тоски, ее каменные объятия... Только она чувствуется, пока я сижу у окна поезда и смотрю на падающий снег. Снег, который убаюкивает и укрывает белоснежным одеялом лелеемую мною тоску.

Меня везет поезд S41. И мне больше всего хочется, чтобы он ехал не по кругу! Мне хочется, чтобы он ехал бесконечно, вслед за покоем тоски и вечностью усталости. Мне хочется как минимум никогда не вставать с этого грязно-зеленого сиденья и никогда не отводить взгляда от падающих с неба снежинок. Ну а если уж совсем размечтаться, то я хотела бы, чтобы этот поезд уехал в никуда, в пустоту, где нет людей,

нет земли, нет травы, нет падающего на голову снега, нет даже его отсутствия, и желательно – нет меня. Да, вот бы увез этот поезд меня от меня... Но это только Эс-Бан¹. Он идет по кругу, ему, как и всем, дела нет до моих желаний. И это нормально, я принимаю это. И выхожу на следующей станции. Приехали. Я встречаю своего молодого человека, он заключает меня в объятия, целует. Чувствую его грудь на моей груди, его руки на моих руках, но не тепло, идущее от них. Чувствую его пухлые губы на моих пухлых губах, но внутри у меня ничего не вздрагивает от их прикосновения. Я вижу его полный обожания взгляд, но самой любви не чувствую. Передо мной стоит любящий, заботливый, ласковый человек, а я будто покрыта тонким слоем инея, что не дает мне искупаться в величайшем из наслаждений.

Мы, как обычно, беремся за руки и идем к нашим друзьям. Каждое воскресенье мы вместе занимаемся спортом. Я вижу улыбки друзей, слышу их смех и музыку, в такт которой им хочется делать приседания, отжимания, прыжки. Моментами они шутят, болтают ни о чем. А для меня все происходящее – слова, звуки, ритм, движения и цвета – лишь большое серое пятно на холсте жизни.

На этом празднике тепла и дружелюбия, жизненной энергии и любви я чувствую себя лишней. И я мечтаю растаять как снежинка на чьей-то горячей ладошке.

¹ S-Bahn – наземный общественный транспорт в Берлине.

Первые по-настоящему теплые лучи солнца с кровожадным удовольствием плавили остатки снежных блоков. Потокам света понадобилось каких-то три дня, чтобы отправить мир из лютой зимы в самый разгар весны. Поля обнажились, сняли тяжелое белоснежное платье, и теперь можно было видеть бесконечную линию рельсов, через поля уходящую куда-то в невообразимую даль, за линию горизонта. То ли голубь, то ли ворон парил над железной дорогой в вечерний час. Его крылья обдувал прохладный ветер, в котором отчетливо чувствовался запах весны. О этот свежий и сладкий запах! Его так любят, так ценят человек и все живое. Запах, от которого хочешь взлетать выше. Птица парила долго, пока под ней не оказался поезд, несущийся на всех парах.

Поезд завладевает вниманием. С высоты птичьего полета поражаешься его плавному и быстрому ходу. Но окажись ухо на уровне колес, тело охватывает ужас. Ужас от страшного шума, от энергичности и непоколебимости металла. Бездушного металла, приведенного в движение невидимой силой. Черно-серая махина разрезала полотно полей и стремилась куда-то в невообразимую даль, за линию горизонта. Мощными шагами, что сливались в непрерывную песнь громохання и скрежета, продвигался поезд вперед. Перед ним, на уровне той невообразимой дали, на линии горизонта вырастали степенно две горы.

И рельсы вели поезд туда, чтобы пройти меж двумя гордыми девственно прекрасными возвышениями, которые сто-

яли так величаво, как будто ничто целую вечность не нарушало их покой. Вершины гор были покрыты снегом, и в их каменной красоте поезду мерещилось что-то родное, холодное, что-то холодно похожее на него.

Поезд совсем уже приблизился к горам. Солнце садилось. И мощная машина, казалось, одновременно быстро и медленно, но так медленно, что даже нежно прошла между двумя прекрасными горами. Огромный оранжевый шар падал за линию горизонта. И поезд, удаляясь все дальше и дальше, будто врзался в него. И тогда разлетелись по полям нарастающие волны энергетической и звуковой вибрации – прозвучало громкое «БОМ!!!». И птицы испуганно взметнулись к небу.

Я родилась в городе Ярославле, что в трехстах километрах от Москвы. Когда мне было 18 лет, я переехала в Берлин, учиться. Сначала окончила штудиенколлег², поступила в университет имени Гумбольдта на филологический факультет. Теперь изучаю скандинавистику и русскую литературу. Когда я заканчивала штудиенколлег, до Германии дошел коронавирус. Это был март 2020 года. И вот только сейчас, год спустя, мне удалось поехать в Россию и снова увидеть родителей. Год. Так надолго мы еще никогда не расставались, и, конечно, я искренне соскучилась.

² Studienkolleg (нем.) – учебное заведение, в котором год учатся иностранцы, поступающие в немецкий университет сразу по окончании школы на родине.

Я провела дома чудесные три недели. Они были наполнены приятными впечатлениями, радостью, счастливыми вечерами с семьей, а кроме того – открытием новых перспектив и очень нужными откровениями. Пришло время улетать обратно, в Берлин: нужно и хочется продолжать учебу. И сейчас я сижу в здании аэропорта Домодедово и пишу это предисловие для того, чтобы подвести к вопросу, который крутится у меня в голове.

Где же сейчас он, мой дом?

В России, в Ярославле? Ведь, честно, вся сущность моя навечно отдана тем местам, где говорят по-русски. На языке в том числе и моих мыслей, моих текстов, моих произведений, на языке моей души, который я навечно безусловно люблю. Ну так что, мой дом там, где мои корни, моя семья, мои близкие? Там, где я родилась, выросла, начала формулировать и излагать?

Или же мой дом теперь в Германии, в Берлине? Там, где на улицах пахнет свободой, где мои друзья, моя любовь, дело, которым я горю, которым живу. Там, где новые знания, развитие, движение. И еще раз повторю, там, где я дышу свободно.

Не буду спешить с ответом. Вот только пока все эти вопросы кружатся в моей голове, меня не покидает одна картинка из прошлого.

Вечер. Мне 10. Я лежу под одеялком. Вроде и удобно, и тепло, но что-то мне не спится. И тут приходит мама, при-

саживается на краешек кровати, поправляет одеяло так, что я оказываюсь в защитном коконе, словно в облачке надежно спрятана. И только голова выглядывает из этой большой порции сладкой ваты. Мама гладит меня и рассказывает маленькую историю.

Несется в ночи большой поезд сквозь заснеженные поля, сквозь леса. Его железные вагоны обледенели, а их крыши покрыты снегом, холодный ветер бьется в окна, задувает во все щели, ищет, кого бы укусить, кого бы заморозить. А в одной узкой трубе свили себе гнездо две маленькие птички. Они сидят в своем гнездышке, обнимают друг друга крыльями. Снизу идет теплый воздух и согревает их. И им так уютно, так тепло, так хорошо и спокойно в этом «домике». И едут они, и засыпают, пока поезд бежит и качается, чучух-чучух, чучух-чучух...

И я могла бы сейчас сказать, что дом мой там, где тепло, где меня обнимает крылышком другая птичка, где спокойно и уютно. Но...

Мне искренне хочется верить, что я уже не маленькая птичка, что имею свое теплое оперение и греть меня не нужно. И уже не хочется сидеть в гнездышке, в нагретой трубе. Ведь можно летать, лететь. Тем более что я знаю куда. И уют, и спокойствие, и тепло – все это есть внутри меня, в области сердца. И поэтому мой дом там, где я.

Может быть, я тороплюсь с выводами, может быть, мне уж слишком **ХОЧЕТСЯ ВЕРИТЬ** во все это: в независимость,

в самобытность. Но в любом случае я знаю, что вера – уже неплохое начало.

Первая «любовь»

Я уже не помню ее имени. Не могу вспомнить, как бы ни напрягала память. Мудрая знакомая сказала однажды: «Вы никогда не забудете первую любовь. У вас может быть множество романов, влюбленностей и отношений. Кого-то вы будете помнить больше, кого-то меньше, но первую любовь не забудете никогда. Она будет с вами четкими обрывками воспоминаний, яркими облаками чувств до самого конца. И даже тогда, когда вы встретите того или ту, с кем решите прожить всю оставшуюся жизнь, первая любовь никуда не денется ни из вашей памяти, ни из вашего сердца».

Мне было четырнадцать. Ей двенадцать. Мы встретились в санатории под Костромой, в котором обе отдыхали с бабушками. Уставшие – быть может, от самой жизни, грузные и голодные до разговоров, наши бабушки всегда неспешно передвигались где-то позади. Мы же вприпрыжку носились между многовековых елей и молодых берез, подгоняемые теплым июньским ветром и иммуномодулирующим чаем, который, между прочим, пили дважды в день. Я помню букет из наших энергичных неумных телодвижений, смеха и улыбок. Но первое, на что обращает мое внимание память, – это ее длинные и невероятно густые каштановые волосы. Мне так не нравилось, что она вечно собирала их в пучок или в хвост, держа в тисках дурацкой кислотно-розовой

или желтой резинкой. Лишь единожды я увидела ее с распущенными волосами, и эта роскошная картина поразила мое юное неопытное сердце. Чего я, к сожалению, не помню, так это как мы начали сближаться. Но, кажется, это было не тонко и не изящно, это были откровенности, на которые толкало любопытство как меня, так и ее. Случился шепотливый разговор, который дал мне решимость для следующего поступка.

Мы возвращались с прогулки, на которую нас отпустили желающие покурить и покряхтеть о своем бабушки. Теплый свет советского лифта, стены «под дерево» и черные кирпичики кнопок. Теснота. Я тыкнула на семерку. Наверное, мы проехали уже пару этажей, когда сердце мое стало колотиться еще сильнее от понимания того, что либо сейчас, либо никогда. Оставалось еще примерно пять этажей. Кровь прилила к лицу, я повернулась к ней, посмотрела в ее большие карие глаза и волною прильнула к ней. Наши губы как будто долго ждали этого момента и сами знали, что им нужно делать. Лифт остановился, и мы резко отхлынули друг от друга. Двери открылись, и каждая из нас, поглядывая на другую краем глаза и по-детски игриво улыбаясь, пошла к своему номеру.

Мы играли, болтали и целовались еще пять дней. По их истечении закончились наш отдых в санатории и наша «любовь». Я уехала в свой город, она в свой. Каждая со своей бабушкой. Еще некоторое время мы поддерживали связь,

но с каждым месяцем писали друг другу все реже. К моему большому удивлению, я встретила ее через три года на дне рождения моего родного города... растолстевшую и оглупевшую. Пока мы пили холодный чай, она могла говорить только о своем парне и о мечте построить большую и крепкую семью, родить много-много детей. Я поддакивала и улыбалась. Я не стала говорить, что мечтаю поступить в университет в Германии и в будущем стать известной писательницей.

Да это всё и не важно. Не важно, какими мы стали через три года, не важно, какие мы сейчас и какими еще будем. Эта история принадлежит двум маленьким девочкам, одной четырнадцать, другой двенадцать. Девочкам, которые впервые чувствуют, как кровь приливает к щекам и что-то щекается в животе. Девочкам, которым весело вместе, девочкам, которые бегают наперегонки и целуют друг друга под многолетними соснами и молодыми березами. И память моя навечно сохранит волны густых каштановых волос.

Муза

Перед поступлением в штудиенколлег я должна была пройти языковой курс (не люблю слово «должна» – никто в этой жизни никому ничего не должен! Языковой курс я очень хотела пройти). Приехала в Берлин и, оказавшись впервые на оживленной Кастаниеналлее, будто бы немного оглохла и слегка ослепла от энергичного движения толпы, в которой были такие разные люди – разные национальности, разный стиль, собаки, велосипеды, молодые люди и девушки, дети и пенсионеры... По бокам этой длинной улицы устроились кафешки, магазинчики, лавки с эко-товарами и маленькие секунд-хенды...

Немецкий на тот момент я знала уже довольно хорошо, поэтому быстро освоилась в языковой школе и заселилась в апартаменты, предоставляемые этой школой и находящиеся на этой самой аллее. В апартаментах была кухня, ванная, балкончик, спальня с двумя одноместными кроватями и небольшая гостиная. Я уже расположилась, прогулялась по округе и вернулась домой под вечер. Моя соседка оказалась дома. Это была украинка, очень стройная, со стрижкой каре на светлых волосах. Мы стали дружны, вместе открывали для себя Берлин, гуляли и ходили в музеи, ездили в Потсдам, вместе несколько раз попадали под дождь...

...Я сидела ранним утром на балконе, втягивала ноздря-

ми прохладу, куталась в плед и писала стихи. А моя муза просыпалась, порхала из комнаты в комнату, готовила нам кофе... Его аромат доставлял мне такое удовольствие в этой атмосфере творчества, в которой я – творец, она – моя муза. Я любила ее так, как люблю само вдохновение, как люблю море, как люблю рассветы. Она подарила мне столько прекрасных стихотворений, столько приятных, полных творчества дней! И я за это сердечно и трепетно навечно благодарна. К моему большому счастью, я могу облечь в слова настоящий, искренний лепесточек, летящий от сердца восемнадцатилетней девушки из 2019 года, лепесточек, полный нежности и благодарности. Далее я привожу письмо, написанное мною в порыве чувств:

«Дорогая Даша, я очень долго думала о том, как же мне объяснить с тобой. В конечном итоге я выстрадала это решение – написать письмо. Я не могу к тебе приехать и сказать все лично, писать в социальной сети было бы оскорбительно и для тебя, и для меня, а в аудиоформате хаотично переплетенные между собою мысли путаются еще больше. И потому – именно письмо. Изложу спокойно, по возможности логично и, самое главное, в полной мере. Ведь мне необходимо, жизненно необходимо рассказать тебе все, что так долго было сжато внутри меня.

Хочу начать с того, что время, проведенное с тобой, было ЛУЧШИМ периодом в моей жизни. Невозможно описать,

как я была счастлива, живя вместе с тобой. Это было постоянное ощущение гармонии и счастья. И все это хрупкое равновесие держалось за тебя и благодаря тебе. Теперь я понимаю это. Теперь, когда тебя нет со мной.

Помнишь, как мы устроили небольшой пикник в Тиргартен? С нами тогда еще была Лиза. Я начала бегать и кататься по траве. (Потому что мне было так хорошо и радостно в тот момент с вами). А ты сказала: «Вот за это я ее и люблю!» Эта фраза врезалась в мою память, и не просто так. Она подтвердила, что ты видишь меня такой, какой я хочу быть, какой стараюсь быть. Будучи такой в твоих глазах, я была такой и на самом деле. Я была той, кого ты видела или хотела видеть, не столько для тебя, сколько для себя. Я хотела быть той девушкой. Девушкой с такими качествами, которые ты любила. С такими качествами, которые любила я. И у меня получалось, пока ты была рядом. Пока ты была рядом! Что делало меня абсолютно счастливой.

Это письмо будет наполнено уже сказанными кем-то фразами, некоторые из них можно считать банальными и даже смешными. Прости, но они слишком хорошо отражают мои чувства, поэтому я намерена их использовать.

Хочу сказать, что ты заставляла меня становиться лучше. Причем не умышленно, не ради тебя. Просто ты была рядом, и я автоматически становилась лучше. Если лить воду в стакан, он будет наполняться. Не ради воды,

не ради чего-то или кого-то еще, а просто потому, что вода в него льется. Но у меня в отличие от стакана есть чувства, и мне безумно нравилось наполняться. Благодаря тебе. Рядом с тобой.

И теперь, когда я живу без тебя, мне кажется, что все рушится. И если внешне мне удается поддерживать пристойное или даже хорошее состояние дел, внутри меня лежат руины. Нет покоя. Нет счастья. Нет гармонии. Они ушли из моей жизни вместе с тобой.

Прости мне мою дерзость, прости мне мой эгоизм! Но я хочу снова каждое утро видеть твое лицо. Я хочу видеть твою смущенную улыбку. Ты ведь именно так улыбаешься. Когда в улыбке сливаются страстная радость и тихая скромность. Я хочу еще хоть раз испытать то чувство, когда ты заглядываешь мне в глаза. И смотришь, смотришь, смотришь. Очень глубоко. Этот взгляд вгоняет в полную растерянность, так как неизвестно, что за ним стоит. Что в этих глазах, которые смотрят в самую душу? О, как бы я хотела знать наверняка, как бы я хотела, чтобы это было то самое... Но прости, еще раз прости мне эту дерзость!

Ты так прекрасна! Ты для меня Богиня, муза, истина. Я говорю это с полной ответственностью. Я говорю это, вспоминая, как ты двигаешься, как говоришь, Господи, как смотришь! Каждый изгиб твоего тела, каждый жест, каждое движение, слово... Ты всем своим существованием

рисуешь нежность на полотне жизни.

Я бы хотела вечно быть с тобой. Знаешь, я чувствую, что при необходимости весь мир положу к твоим ногам, все сделаю, чтобы ты была счастлива. Мое счастье. Жизнь без тебя – это очень тяжело. Как же мне тебя не хватает!

Но знаешь, что для меня подтверждает удивительную особенность, неповторимость (в моей жизни и в моем чувственном опыте) любви к тебе? Я представляю нас партнерами, самостоятельными, полноценными личностями, не кладущими свою жизнь на алтарь другого, уважающими интересы и приоритеты друг друга. Я не говорю, что могла бы жить РАДИ тебя, но я хотела бы каждый день быть РЯДОМ с тобой, поддерживать в трудную минуту, разделять с тобой радость побед и подслащивать горечь поражения, прогонять твои тревоги, обнимая, будучи уверенной, что ты сделаешь для меня то же самое. Я бы хотела жить с тобой.

...ах, мечты!

И вот сейчас у меня остались лишь воспоминания. Тогда ты, неосознанно для меня, стала точкой опорой. Силой притяжения, без которой я свалюсь к чертям с этой планеты. Силой, благодаря которой я держусь в этой жизни. Но ты ушла. И с известных пор я нахожусь в подвешенном состоянии. Да, я куда-то двигаюсь, барахтаюсь, кряхчу. Но все движения в черном вакууме бессмысленны, ведут в никуда. Они лишь иллюзия движения, жизни, деятельности. На де-

ле это ничего не значит, абсолютно не имеет смысла.

Так вот, все эти мысли в той или иной мере очень долго меня заботили и последнее время даже мучили. Я боялась делать выводы, потому что привыкла считать, что ничего не знаю. Я не знаю точно, что такое любовь. Но мне кажется, что я тебя люблю.

Не знаю, как так вышло. Написав все это, я не осмеливаюсь надеяться на что-либо с твоей стороны. Я даже искренне считаю себя недостойной тебя. Признаюсь, мой разум говорит, что в таких случаях все обречено, нет абсолютно никаких шансов и надежды бессмысленны. Но мне плевать на разум, озабоченный последствиями. Я слышу лишь сердце, оно чувствует, просто искренне посылает сигналы, которые я пытаюсь преобразовать в слова и сделать выводы.

Зачем же я пишу? Хочу, чтобы ты знала:

– ты прекрасна

– я люблю тебя (я не виновата, прости, говорят же, что сердцу не прикажешь! Сердце не учитывает реалии, возможные перспективы или шансы. Это разум высчитывает, есть ли у отношений будущее, бла-бла-бла, а сердце просто любит. Безусловно. Безвозмездно. Своевольно. Это мое оправдание, ссылаясь на которое, я рассчитываю на прощение этой дерзости)

– втайне я надеюсь на взаимность, которую другая часть меня абсолютно исключает. Это противоречие му-

чительно

И вот я прихожу к мысли, что ты самая большая любовь, что случалась в моей жизни. Прости, что я вывалила на тебя ВСЕ это. Мне жаль и не жаль одновременно. Я была с тобой абсолютно искренна (описала даже аспект моего «раздвоения личности», такие подробности, полагаю, принято опускать, но я хотела быть совсем «открытой книгой» для тебя, остается лишь со страхом ожидать «рецензии»).

Даже если ничего из этого не выйдет, я уверена, что мои чувства и это письмо будут тебе лестны. Если я узнаю, что мои чувства не находят отклика в твоём сердце, они останутся при мне, никуда не денутся. Я в любом случае буду хранить любовь к тебе и тихо наслаждаться ею. Пожалуйста, будь честна со мной и с собой. Мое сердце способно разбить лишь ложь и лукавство. Независимо от ответа знай, что где-то в этом мире одно хрупкое сердце носит внутри любовь к тебе, словно в хрустальной шкатулке. Эта любовь бьется порой о стенки своей обители, когда тело вдруг ускоряет шаг, и от этого тягучая сладкая боль разносится от грудной клетки до кончиков пальцев.

«...Кончаю! Страшно перечесть...

Стыдом и страхом замираю...

Но мне порукой ваша честь,

И смело ей себя вверяю...»

Эх, я тот еще романтик... Правда еще и в том, что я любила не Дашу, а то состояние, которое она мне дарила. Как вы поняли из письма, Даша уехала обратно в Киев, учиться, работать – дальше жить своей жизнью. Я поступила в студенколлег и осталась в Германии. Мы не могли быть вместе, да это и не нужно было, в сущности, никому. Даша была моей музой, которая подарила мне прекрасные счастливые дни вдохновения. Подарила и улетела, как и следует музе.

Halbauer Weg 19

Открываю глаза, наверное, раз четвертый, солнце светит прямо в мое окно с шелушащейся от старости белой краской на раме. Это окно уже год стоит без штор. Единственное, что может препятствовать агрессивной веселости утренних лучей, их прыжкам в тесное помещение – это сальные пятна и пыль на оконном стекле. Призывы солнца к бодрствованию, к наивному наслаждению жизнью не мешают мне натянуть на себя одеяло и попытаться упасть обратно в темноту, где находилась пару секунд назад, где было хорошо в абсолютной бесчувственности, в свободе от мыслей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.